

Ианнуарий Ивлиев Открывая Книгу Откровения*

ВВЕДЕНИЕ

Прежде чем приступить к изучению любой книги Священного Писания, мы должны ответить на ряд вопросов: кто ее написал? где? когда? кому? по какому поводу? с какой целью? Эти и подобные им вопросы, связанные с историей возникновения книг Писания, объединяются разделом библеистики, который называется *исагогикой*. Данное греческое слово буквально означает *введение*. Начнем и мы с краткого введения в книгу Апокалипсиса.

«Откровение святого Иоанна Богослова» – таково надписание (заголовок) последней книги Библии. Сразу оговорим, что надписания библейских книг, возникшие во II веке по Р.Х., не всегда отражают их подлинное содержание. В древности тексты, как правило, не надписывались, и заголовками к ним часто служили первые слова или строки, открывающие книгу: именно в них отражалось ее основное содержание. Посмотрим, как начинается Апокалипсис. «Откровение Иисуса Христа, которое дал Ему Бог» (Откр 1:1). Выходит, мы имеем дело с откровением не Иоанна, а Иисуса Христа? Действительно, откровение было получено Христом от Бога Отца и затем уже «показано» Христом Иоанну. Для нас, впрочем, это не имеет большого значения. Мы привыкли к тому названию, которое закрепилось в нашей традиции, и потому будем ее придерживаться.

Книгу Откровения называют также «Апокалипсис». Греческое слово *ἀποκάλυψις* переводится как «откровение», то есть открытие того, что до сих пор было скрыто и являлось тайной, известной только Богу Творцу. В наше время слова «апокалипсис», «апокалиптический» вызывают у людей чувство страха, ассоциируются с ужасами и катастрофами. Причина этого в том, что, читая Апокалипсис, они обращают внимание далеко не на самое главное в его содержании. Их настолько поражает и ужасает описание судов Божьих, что они не замечают торжествующего и радостного

* Введение в книгу, "...ибо время близко". Комментарий к Апокалипсису апостола Иоанна, готовящейся к выходу в издательстве ББИ.

характера того, что в конечном счете открывается нам от Бога. Страх — не лучший попутчик, и он не был присущ первым христианам: они в отличие от нас с нетерпением и радостью ожидали конца света, Второго Христова пришествия. Эти ожидавшие ими события составляли содержание их надежды, о чем так часто пишет в своих посланиях апостол Павел. Мы же сегодня не можем думать о конце света и Втором пришествии иначе, как с ужасом. Лишенные истинного понимания этих грядущих событий, мы чаще всего отождествляем их либо с мировой войной и падением кометы, либо, совсем уж провинциально, с какими-нибудь катастрофическими событиями, касающимися нашей страны, нашего города, нашей деревни.

Теперь обратимся к собственно исагогике и ее вопросам. Кто написал книгу Откровения? Автор сам называет себя: «Я, Иоанн, брат ваш...» (1:9). С первых веков церковь отождествляла этого Иоанна с любимым учеником Иисуса Христа, ставшим впоследствии апостолом — Иоанном Зеведеевым, которого принято называть Богословом. Согласно церковной традиции, Иоанн Богослов кроме Апокалипсиса написал четвертое Евангелие и три послания. Правда, древняя церковь в этом мнении не была единой. На западе Римской империи книга Апокалипсиса всегда считалась апостольским сочинением, высоко ценилась, читалась во время богослужений как Священное Писание и часто комментировалась. На востоке, напротив, эта книга не вошла в круг церковных чтений в период их формирования, была малоизвестна и практически не комментировалась вплоть до XIX века, если не считать единственного ее толкования святителем Андреем Кесарийским в VI—VII веках. Отчасти причиной такого невнимания были сомнения в апостольском происхождении этой книги. Эти сомнения возродились в критической научной библеистике последних столетий. В частности, компьютерное исследование словаря Апокалипсиса обнаружило, что он очень отличается от словаря и грамматики Евангелия Иоанна и его посланий. Однако вряд ли это может служить решающим аргументом против авторства апостола Иоанна. Словарь и стиль автору часто диктует жанр произведения. Скажем, перу Пушкина принадлежат «Евгений Онегин», «Капитанская дочка», исторические труды о Пугачеве и Петре I, письма, докладные записки, расписки и т.д. — и во всех этих сочинениях словарь и стиль различны и зависят от жанра.

Где написан Апокалипсис? Иоанн сообщает нам и о месте его написания. Это остров Патмос в восточной части Эгейского моря. Иоанн находился там «за слово Божие и за свидетельство Иисуса Христа» (1:9), иными словами был в ссылке за свое христианское исповедание. Это обстоятельство дает нам ключ к ответу на вопрос: когда был написан Апокалипсис? Гонения и официальные пресле-

дования христиан в Римской империи за то лишь, что они были христианами, начались в 90-е годы первого столетия, в правление императора Домициана из династии Флавиев. Именно при нем христианство было объявлено недозволенной религией. Тогда основной удар преследований пришелся на восточные провинции империи, в частности на провинцию Асия¹. Не сразу гонения приняли ожесточенный, тотальный характер, не сразу они стали кровавыми. Мы видим, что наказание Иоанна было довольно мягким — ссылка. То усиливаясь, то затихая на время, преследования продолжались два с лишним столетия, до эпохи императора Константина, который в первой четверти IV века сделал христианство сначала легальной, а затем и государственной религией. Иногда указывают на гонения христиан во время правления императора Нерона из династии Юлиев, то есть на 60-е годы I века. Об этих гонениях все знают хотя бы из романа Генрика Сенкевича «Камо грядеши?» или его экранизаций. Тем не менее, надо признать, что репрессии Нерона коснулись только одного города, Рима, и носили уголовный, а не политический характер, как было при Домициане.

Кому адресован Апокалипсис? Об этом тоже сообщает книга: «семи церквам, находящимся в Азии» (1:4). Несколько далее эти семь церквей перечисляются (1:11). Они находятся в семи городах, расположенных по окружной дороге, начинавшейся и заканчивавшейся в главном городе провинции — Эфесе. Эти города канули в археологическое прошлое и давно уже не существуют, но в Иоанновы времена они были известными и густонаселенными. У нас еще будет возможность познакомиться с ними.

Когда мы говорим: Иоанн написал Апокалипсис, нам представляется, что он сидел и собственноручно записывал полученные от Иисуса Христа откровения. Но это не совсем так. В те времена авторы подобных сочинений, будь то послания, Евангелия или апокалипсисы, редко писали своею рукой. Книги обычно диктовались писцам-стенографам или секретарям, которые были либо рабами, либо наемными работниками. Это-то и запечатлено на некоторых иконах, изображающих старца Иоанна, к уху которого склоняется Ангел, шепчущий ему слова откровения, тогда как сам Иоанн диктует текст своему сотруднику Прохору. Вряд ли дело обстояло так буквально: иконы отображают суть события и не являются реалистическими изображениями, вроде фотографий. Как мы впоследствии увидим, книга Откровения представляет собой столь сложное и тонкое литературное кружево, какое не могло быть создано спонтанно, в простой диктовке, но требовало тщательного обдумывания и обработки.

¹ Таково принятое в русской церковной традиции название Азии, провинции Древнего Рима, занимавшей значительную часть Малой Азии.

Какой жанр книги Откровения? Ответ на этот вопрос определяет то, чего мы должны ожидать от этой книги. Проблема в том, что она кажется некоей аномалией в Новом Завете. Как ее читать и как понимать? Ведь неверные толкования зачастую начинаются с неверного определения жанра.

Это особенно важно в контексте чтения древней литературы. Первые стихи Откровения указывают на три разных жанра. Стих 1:1 – обычно заглавие – говорит об *откровении* Иисуса Христа, которое дал Ему Бог и которое достигает рабов Божьих через цепочку: Бог → Христос → Ангел → Иоанн → рабы Божьи. Собственно слово «откровение» указывает на древний иудейский и христианский жанр *апокалиптики*. Многие в этой книге подтверждают это.

Однако стих 1:3 описывает книгу как *пророчество* (греч. *профетия*), которое читается вслух за богослужением: «Блажен читающий и слушающие слова пророчества сего». Это же мы видим и в конце книги (22:6-7 – как эхо 1:1-3 – и особенно 22:18-19).

Но далее отрывок 1:4-6 не оставляет сомнения в том, что книга Откровения – это *послание* (греч. *эпистола*). Стихи 1:4-5а следуют формуляру новозаветных посланий. Последовательно называются автор – адресат – приветствие. Например, «Павел... такой-то церкви: благодать вам и мир...» Так и здесь: «Иоанн семи церквам, находящимся в Азии: благодать вам и мир...» Заканчивается книга тоже как новозаветное послание: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами» (22:21). Итак, можно сказать, что Откровение есть *апокалиптическое пророчество в форме окружного послания* семи церквам в Азии. Это видно из 1:11. То, что «открыто» Иоанну («что видишь»), он должен «написать в книгу» и послать семи названным церквам. Этот приказ относится ко всем видениям и откровениям книги. Обычно о главах 2–3 говорят как о семи «посланиях» церквам. Но это ошибка. Это не послания, а так называемые «оракулы», пророческие сообщения. Посланием же является вся книга целиком. Пророческие вести 2 и 3-й глав адресованы индивидуально каждой из семи церквей. Они – введение ко всей книге, введение к общему окружному посланию. Поэтому, читая книгу Откровения, мы должны считаться с тремя ее жанрами: пророчеством, апокалипсисом и посланием.

Вкратце охарактеризуем эти жанры. Начнем с *апокалиптики*. Апокалипсисами в Иоанновы времена очень увлекались. В Новом Завете есть только один Апокалипсис, но апокалиптические отрывки мы находим также в Евангелиях: в эсхатологических речах Иисуса Христа (например, в Мк 13) и в посланиях апостола Павла. В Ветхом Завете известен апокалипсис в книге пророка Даниила (глава 7). Древняя иудейская письменность знала множество апокалипсисов, но они, несмотря на свою популярность, не вошли в

состав книг Священного Писания. Раннее христианство оставило нам еще одно апокалиптическое сочинение: «Пастырь» Ермы². Апокалипсисы всегда строго эсхатологичны, в них открываются тайны *эсхатона*, то есть конца века сего. Причем имеется в виду не только конец во времени, но и в пространстве. Иными словами, апокалипсисы открывают нам тайны потусторонней, трансцендентной нашему миру реальности. Апокалиптик-тайновидец (визионер) получает видения (визионы) или слухи (аудиции) на земле либо «восхищается» в потусторонний мир. В передаче откровения большую роль играют сверхъестественные существа-посредники, различные ангелы. Апокалипсисы написаны особым языком символов. Эти символы надо знать, чтобы понять содержание видений.

Пророчества — это вдохновенные Богом речения, обычно провозглашавшиеся от имени Бога во время богослужебных собраний. Наши современники под пророчеством чаще всего понимают предсказания будущего. Но это неверное понимание. Пророки довольно редко предсказывали predetermined будущее. Пророчества касались преимущественно настоящего, того, что происходит здесь и сейчас. Часто, тоже в образно-символической форме, они обращались к слушателям с обличением, увещанием, утешением или предостережением: «Если вы не исправитесь и будете поступать так-то и так-то, с вами может произойти то-то и то-то». В этом смысле они могли восприниматься как предсказания. Древние пророчества в известной мере можно уподобить современной вдохновенной проповеди.

Послания предполагают особую форму эпистолярного жанра. Как правило, они писались по конкретному поводу и на определенную тему. В апостольское время послания заменяли проповедь отсутствовавшего апостола. Таковы, например, письма Павла. Книга Откровения, как было сказано выше, представляет собой необычный, смешанный жанр апокалиптического пророчества в форме послания. Она адресована конкретным церквям в их конкретной ситуации; она обращается к ним с обличением, увещанием, предостережением и утешением; она же открывает им тайны божественного промысла о мире. Семь церквей, которым направлена эта книга-послание, символизируют собою вселенскую церковь. Откровение адресовано не только тем, кто жил 1900 лет назад, но и нам. Эта книга должна быть нами понята и истолкована. Именно об этом Ангел говорит Иоанну в конце Апокалипсиса: «*Не запечатавай*»³ слов пророчества книги

² «Пастырь Ермы» (другие варианты *Гермы*, *Эрмы*) — раннехристианская книга II в.

³ Здесь и далее в цитатах курсив мой — *И. И.*

сей; ибо время близко» (22:10). Здесь мы видим аллюзию, намек на известное место из книги пророка Даниила: «Даниил, сокрой слова сии и *запечатай* книгу сию до последнего времени» (Дан 12:4).

Несколько слов следует сказать о структуре и содержании Апокалипсиса. И то, и другое будет подробно рассмотрено в дальнейшем. Сейчас только укажем на то, что структура книги определена упоминавшейся уже цепочкой откровения: Бог → Иисус Христос → Ангел → Иоанн → рабы Божьи (то есть читатели книги). В пятой главе Бог вручает откровение Иисусу Христу, который передает его Ангелу, тот в свою очередь в десятой главе передает откровение Иоанну, а Иоанн, начиная с одиннадцатой главы, излагает его нам («рабам Божьим»). Собственно книга Откровения для нас начинается только в главе 11. Это весьма необычно и, как правило, не учитывается.

Содержание открываемой нам тайны можно кратко охарактеризовать как ответ на прошение молитвы Господней. Мы молимся: «Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя и на земле, как на небе» (Мф 6:9-10). На небе имя Божье святится, воля Божья исполняется, там — Царство Божье. На земле мы этого не видим: имя Божье подвергается поруганию, воля Божья не исполняется и властвует сатана. О том, *как* осуществится то, о чем мы просим в молитве «Отче наш», и о том, какое участие в совершении этого мы сами можем и должны принять, — об этом и повествует книга Откровения.

Необходимо отметить еще одну литературную особенность Апокалипсиса — его *литургический* характер. Вообще говоря, все книги Нового (как и Ветхого) Завета были написаны не для чтения «про себя», когда мы водим молча глазами по строчкам, а для чтения вслух для слушающих, то есть для чтения во время богослужбных собраний. Так, например, Павловы послания читались на церковных собраниях, заменяя поучения лично отсутствующего апостола. Книга Откровения, как мы уже выяснили, представляет собою послание семи азийским церквам отсутствующего тайновидца Иоанна.

Все мы знаем, как совершаются сегодня богослужбные чтения Священного Писания. Сам этот ритуал был разработан в древней церкви. Его участники — чтец, предстоятель, молящиеся, представленные, как правило, «ликом», то есть хором. Этот обычай с некоторыми изменениями сохранился в нашей церкви. К примеру, чтец объявляет название читаемого текста, допустим: «Римляном послания святого апостола Павла чтение». Затем из алтаря следует: «Вонмем». Чтец читает. По окончании чтения его благословляет предстоятель. Чтец произносит «Аллилуия!» и читает стихи из псалма, хор подхватывает и т.д. Приблизительно

то же происходило, как мы увидим, и в церкви времен Иоанна, в конце I века, только, пожалуй, к упомянутым участникам нужно еще добавить церковного пророка. В древней церкви было особое служение пророков, которые поставлялись на это служение через рукоположение.

Откроем первую страницу книги Откровения и взглядем в нее с точки зрения сказанного выше. Мы тотчас заметим, что в ней отражен «сценарий» уставного чтения. Словно встает чтец и читает название книги:

Откровение Иисуса Христа, которое дал Ему Бог, чтобы показать рабам Своим, чему надлежит быть вскоре. И Он показал, послав оное через Ангела Своего рабу Своему Иоанну, который свидетельствовал слово Божие и свидетельство Иисуса Христа и что он видел (1:1-2).

Повторим еще раз, что нынешнее надписание книги «Откровение святого Иоанна» не совпадает с ее названием: «Откровение Иисуса Христа». Именно Иисус Христос, а не Иоанн Богослов, как мы увидим далее, снимает семь печатей с таинственной книги и «открывает» ее содержание. Следует помнить, что надписания книг Библии появились гораздо позже времени их возникновения и часто имели случайный характер.

После того как чтец объявил, что он будет читать, его и всех слушателей благословляет предстоятель:

Блажен читающий и слушающие слова пророчества сего и соблюдающие написанное в нем; ибо время близко (1:3).

Затем чтец начинает чтение обычного адреса (кто? кому? благословение):

Иоанн семи церквам, находящимся в Азии: благодать вам и мир от Того, Который есть и был и грядет, и от семи духов, находящихся перед престолом Его, и от Иисуса Христа, Который есть свидетель верный, первенец из мертвых и владыка царей земных (1:4-5а).

После произнесения имени Иисуса Христа следует возглас предстоятеля, представляющий собой так называемую доксологию, то есть славословие Христу:

Ему, возлюбившему нас и омывшему нас от грехов наших Кровию Своею и соделавшему нас царями и священниками Богу и Отцу Своему, слава и держава во веки веков (1:5б-6).

Хор (или чтец) отвечает: *Аминь*. Далее хор поет песнопение, использующее мотивы из пророческих книг Ветхого Завета:

*Се, грядет с облаками,
и узрит Его всякое око*

*и те, которые пронзили Его;
и возрыдают пред Ним все племена земные (1:7).*

Весь собравшийся народ (или другой хор, как это было принято в древности) отвечает: *Ей* (то есть «Да»), *аминь*.

После этого вступает пророк и от имени Бога произносит «оракул»:

*Я есмь Альфа и Омега, говорит Господь, Который есть и был и грядет,
Вседержитель (1:8)⁴.*

Снова чтец продолжает чтение (уже не адреса, а самого послания):

Я, Иоанн, брат ваш и соучастник в скорби (1:9 и далее).

Литургический характер Откровения обнаруживается еще и в том, что ни в какой другой книге Нового Завета нет столько псалмов, гимнов, песнопений, славословий, возглашений, как здесь. Эта книга вся пронизана богослужением, совершаемом и на небе, и на земле, и во всем космосе.

Когда мы упоминаем о чтении и чтеце, не следует представлять себе это чтение как современную декламацию, будто мы читаем кому-то вслух, пусть даже «с выражением». Нет, в древности тексты не «читали», а распевали речитативом, примерно так, как это делают сейчас в церкви, где до сих пор хранится этот древний обычай.

Как уже было сказано, в Православной церкви, в отличие от западных церквей, Апокалипсис за богослужением не читается: он не вошел в круг богослужебных чтений. Причина в том, что, если на Западе Апокалипсис с глубокой древности признавался книгой боговдохновенной и потому читался и до сих пор читается во время богослужения, то в восточной части Римской империи эта книга долго не входила в канон Священного Писания: существовали сомнения в ее боговдохновенном апостольском происхождении. В канон на Востоке она вошла уже после того, как сформировался круг богослужебных чтений. Этим объясняется и то, что Апокалипсис на Востоке не толковался вплоть до XIX века. Многие отцы Востока (например, св. Иоанн Златоуст) ни разу не упоминают книгу Откровения, тогда как на Западе она издавна подвергалась тщательному изучению и многочисленным толкованиям. Вторично сомнение в боговдохновенности Откровения возникло уже у Мартина Лютера, в XVI веке. Но в настоящее время оно входит в новозаветный канон всех христианских исповеданий.

⁴ Так в буквальном переводе с Критического текста, в Синодальном переводе после слов «Альфа и Омега» добавлено «начало и конец».

Книгу Откровения читать непросто. Она написана особым символическим языком, характерным для всей апокалиптической литературы. Обилие образов в этой книге создает целый символический мир. Входя в этот мир, читатели начинают иначе воспринимать окружающую их действительность. Важность этого очевидна, ибо первые читатели Апокалипсиса, жители крупных городов Азии, постоянно соприкасались с символами и образами, отражавшими римское видение мира. Архитектура, иконография, скульптура, ритуалы, праздники, чудесные исцеления и механические чудеса в языческих храмах — все производило мощное впечатление величия имперской власти и ослепительной языческой религии. В этом контексте книга Откровения дает контробразы, рождающие в читателях иное видение мира. С неба, на которое восхищается Иоанн, римский мир выглядит иначе, нежели на земле. Происходит как бы очищение взгляда, приходит понимание того, каков мир на самом деле, каким он кажется и каким он должен быть. Так, в главе 17 читатели видят женщину. Она предстает как богиня Рома, во славе и величии. Этой богине, символизирующей римскую власть и языческую цивилизацию, поклонялись во множестве храмов империи. Но в изображении Иоанна она есть блудница, соблазнительница, интриганка и ведьма. Ее богатство и блеск — это результаты гнусного занятия. Читателям открывается истинный характер Рима: за всеми пропагандистскими иллюзиями стоит нравственное разложение.

Образы Апокалипсиса — символы, обладающие силой преобразования всего мировосприятия. Но они действуют не только с помощью словесных картин. Их смысл во многом определяется искусной композицией книги, сложной системой литературных ссылок, параллелей и контрастов, придающих смысл частям и целому. Отнюдь не все осознается с первого или даже десятого чтения. Осознание богатства смыслов прогрессирует в интенсивном изучении.

Прежде всего, книга Откровения богата аллюзиями, или намеками на Ветхий Завет. Они не случайны и важны для раскрытия смысла. Без знания этих аллюзий смысл многих, если не всех, образов Апокалипсиса остается недоступным пониманию. Нам не должно удивлять, что средний христианин в Азии разбирался в этом множестве намеков и образов, следует помнить, что иудеохристианский характер большинства азийских церквей делал Ветхий Завет для них гораздо более понятным и близким, чем для большинства современных христиан. Мы не должны также забывать и тех пророков, которые изучали, объясняли и толковали для церкви Иоанново пророчество с тем же вниманием, что и пророчества Ветхого Завета.

Наряду с аллюзиями на Ветхий Завет образы Апокалипсиса отражают мифологию современного Иоанну мира. В книге Откровения нашли себе место некоторые известные мифы Древней Греции, использовались также астрологические представления Вавилона. А в идее, например, вторжения с Востока, из-за Евфрата (9:13-19; 16:12), отразилась реальная политическая опасность для Римской империи I века со стороны Парфянского царства. Жестокая и чуждая цивилизация Парфии представлялась римлянам страшной угрозой, но многим подданным Рима на востоке империи парфянское вторжение виделось как освобождение от римского ига. Когда Апокалипсис изображает царей Востока, вторгающихся в Римскую империю в союзе со «зверем», который «был, и нет его, и выйдет из бездны» (17:8), это — преломление популярной легенды об императоре Нероне, напоминавшем многим отвратительного тирана, но многим другим представлявшемся освободителем, который однажды встанет во главе парфянских войск, чтобы овладеть Римом. Так Иоанн использует факты, страхи, надежды, образы и мифы своих современников, делая их элементами христианского пророчества.

Было бы большой ошибкой видеть в образах Откровения вневременные символы. Они взяты из исторического контекста и сообразны историческому контексту Апокалипсиса как конкретного послания конкретным семи церквам Азии. Все его образы и символы надо понять в специфической социальной, политической, культурной и религиозной ситуации первых читателей книги. Только поняв эту книгу в контексте *того* времени, мы можем постичь ее смысл и значение для *нашего* времени.

Образы Откровения — не вневременные символы, они имеют отношение к «реальному» миру прошедшей эпохи. Но следует избегать и противоположной ошибки — считать их буквальными описаниями того «реального» мира и предсказаниями неких событий в этом «реальном» мире. Они есть не просто система кодов, которые следует раскодировать, чтобы увидеть в них образы реальных исторических людей и событий. Когда мы узнаем источники образов Апокалипсиса и их богатые символические ассоциации, мы понимаем, что они не могут быть прочитаны ни как буквальные, ни как закодированные описания событий. Они должны быть прочитаны ради их *богословского значения* и ради их способности вызывать экзистенциальную, то есть жизненную реакцию и ответ.

Итак, образы книги Откровения требуют от современного читателя тщательного изучения, если он желает постичь ее богословский и жизненный смысл. Из-за непонимания образов и того, как они передают смысл, возникло множество неправильных, произвольных и самых фантастических толкований Апокалипсиса и в древности, и у наших «просвещенных» современников.

Наконец, подчеркнем еще одно особенное свойство изучаемой нами книги. Апокалипсис не содержит привычных для нас и обычных для Нового Завета богословских дискурсов (рассуждений) или аргументов, характерных, например, для Павловых посланий. Это не означает, что книга Откровения менее глубока в своих богословских идеях. Ее образы — не случайные импрессионистские средства выражения в противоположность абстрактным аргументам апостола Павла. Они способны передавать точный смысл и богатство его оттенков на кратком отрезке текста через пробуждение ряда ассоциаций. Богословский метод Апокалипсиса отличен от других новозаветных книг, но при этом Апокалипсис есть не только одно из самых утонченных литературных произведений Нового Завета, но и одно из крупных богословских достижений раннего христианства. Его литературные и богословские достоинства неотделимы друг от друга. Одно (литературное искусство) есть путь для другого (богословия).

Итак, начнем чтение Апокалипсиса, сопровождая его усиленным изучением текста с целью понять, что хотел вложить в свое сочинение автор этой замечательной книги — Иоанн. Разумеется, признавая последнюю книгу Библии боговдохновенной, мы должны считать изначальным ее автором самого Бога, Иоанна же Его пророком. Но пророк — не безвольный инструмент Бога, а человек со свободной волей, со всеми присущими ему человеческими особенностями, в том числе и особенностями его как литератора и богослова. Поэтому (в отличие от Корана, буквально продиктованного Мухаммеду Богом, единственным его автором) христианское Священное Писание написано двумя согласными друг с другом авторами: Богом и человеком Иоанном. Слово Божье одновременно и божественно, и человечесно, как и воплощенное Слово Бога, Иисус Христос, есть одновременно Бог и Человек.